

УДК 930.2(571.6)

doi: 10.17072/2219-3111-2016-3-68-74

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДАЛЬСТРОЯ

В. Г. Зеляк, Г. А. Пустовойт

Северо-Восточный государственный университет, Россия, 685000, Магадан, ул. Портовая, 13

zelyak75@mail.ru

g.pustowoit2009@yandex.ru

Рассмотрены концептуальные представления, сформулированные учеными в процессе изучения исторического феномена Дальстроя. Являясь одним из самых крупных подразделений системы НКВД – МВД СССР, Дальстрой в 1930–1950-е гг. осуществлял добычу золота и других ценных металлов на севере Дальнего Востока России. Выявлены различия в понимании сущности исторических процессов, связанных с Дальстроем. Предложены новые перспективные направления изучения исторического феномена Дальстроя.

Ключевые слова: Дальстрой, индустриализация, сталинизм, тоталитаризм, модернизационный подход, методология истории.

Актуальность изучения феномена Дальстроя определяется кардинальными изменениями, которые произошли в результате деятельности этой организации на севере Дальнего Востока СССР. Дальстрой был учрежден по прямому указанию И. В. Сталина в конце 1931 г., таким образом, в 2016 г. отмечается 85-летие его образования. Постигание феномена Дальстроя будет способствовать углублению научных представлений о судьбоносном историческом периоде – 1930–1950-х гг. – позиционируемом в историографии как «сталинизм», «эпоха тоталитаризма в СССР», «период форсированной индустриализации», «сталинская модернизация». Дальстрой являлся важным структурным элементом этой системы и в плане форсированного промышленного развития нового региона, и в плане широкомасштабного использования труда заключенных.

Основная цель работы заключается в обобщении концептуальных представлений о Дальстрое, накопленных исторической наукой к настоящему времени, для того чтобы наметить пути дальнейшего изучения этого феномена. Поставленная цель достигается посредством анализа наиболее важных исследований по истории Дальстроя, выявления принципиальных положений авторов и сравнения их между собой. Результаты данного анализа помимо прочего служат основой для определения методологических подходов, которые не использовались или использовались в недостаточной мере.

Одна из главных причин трудности понимания эпохи сталинизма, на наш взгляд, заключается в совмещении условно «позитивных» и «негативных» явлений и результатов этого периода. Так, авторы коллективной монографии «Экономический фундамент Победы» (2015 г.) указывают, что в рамках данного периода наиболее остро проявились все противоречия и парадоксы социальных и политических преобразований: соседство огромных достижений и значительных ошибок, даже преступлений, всенародный энтузиазм и работа репрессивной государственной системы, ГУЛАГ и расцвет образования и культуры [Экономический фундамент..., 2015, с. 9]. Подобные противоречия, парадоксы отмечены в деятельности Дальстроя: это трагедия несправедливо осужденных, оказавшихся на Колыме, и искренний энтузиазм вольнонаемных геологов и горняков в освоении богатств отдаленного региона; утилитарное отношение дальстроевской администрации к человеку как инструменту выполнения государственных планов и трудовой подвиг вольнонаемных и заключенных в годы Великой Отечественной войны. По итогам работы Дальстроя практически неосвоенные территории Колымы и Чукотки превратились в промышленный регион с обширной транспортной сетью, при этом развитие оказалось односторонним – в рамках сырьевой специализации, а социальная инфраструктура значительно отставала в развитии.

За годы существования Дальстрой дал стране 1200 т золота в химически чистом эквиваленте, что составило более 45% от всего золота, добытого в СССР за 1932–1956 гг. Помимо золота было получено 65,4 тыс. т олова в концентрате, 5,2 тыс. т вольфрама в концентрате, 398,3 т кобальта в концентрате и около 150 т урана в концентрате [Зеляк, 2015, с. 164]. Через лагеря Дальстроя прошли 870 тыс. заключенных, из них 125 тыс. умерло. Лагерники использовались во всех отраслях

народнохозяйственного комплекса региона, особенно значительным их удельный вес был на предприятиях по добыче золота и других металлов.

Начало изучения истории Дальстроя обычно связывали с появлением статей руководителей этой организации Э. П. Берзина и Л. М. Эпштейна в журнале «Колыма» за 1936 г. [Берзин, 1936, с. 11–12; Эпштейн, 1936, с. 25–37]. Однако эти статьи, как и последующие работы, изданные в 1930–1940-е гг., носили ретроспективный, но не научно-исторический характер. Итогом осмысления двадцатипятилетней истории Дальстроя стал сборник статей «Дальстрой: К 25-летию» (1956 г.). Его авторы являлись сотрудниками данной организации и принимали непосредственное участие в работе ее подразделений [Дальстрой..., 1956, с. 1–239]. В. А. Васильев предложил одну из первых концепций феномена Дальстроя. Он позиционировал Дальстрой как многоотраслевую комплексную народнохозяйственную систему, в которой сконцентрированы все отрасли деятельности. Однако организационные формы Дальстроя, необходимые на первых этапах, после 1953 г. утратили свое значение, и в дальнейшем развитии региона активное участие приняли партийные и советские организации Магаданской области, различные союзные и республиканские министерства [Васильев, 1956, с. 220–221]. Об использовании труда заключенных В. А. Васильевым не упоминалось.

Магаданская областная партийная организация вмешалась в осмысление исторических процессов, протекавших на Колыме в 1930-х – начале 1950-х гг. Бюро Магаданского обкома в декабре 1956 г. приняло постановление «Об ошибках, допущенных областным книжным издательством в сборнике "Дальстрой"», в котором говорилось, что во многих статьях сборника преувеличивалась роль хозяйственного руководства Дальстроя в развитии производительных сил на Северо-Востоке страны и принижалась, замалчивалась фактическая работа местных партийных и советских организаций по руководству хозяйством, улучшению производства, бытовому и культурному обслуживанию трудящихся. Так была сформулирована концепция «ведущей и направляющей» роли партийных органов в преобразовании Северо-Востока из отсталой окраины в промышленно развитый регион. Данная позиция легла в основу обобщающей работы Н. А. Жихарева «Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917–1953 гг.)», изданной в 1961 г. [Жихарев, 1961, с. 1–253]. Последующие работы историков вплоть до конца 1980-х гг. в основном соответствовали этой концепции. Такие представления об историческом развитии Северо-Востока (Дальстроя) органично вписывались в официальную историографию советского периода в целом.

В рамках экономико-географического подхода С. В. Славин выдвинул концепцию «интегральных комбинатов», которые государство использовало для скорейшего освоения природных богатств в отдаленных, труднодоступных регионах. В перечень интегральных комбинатов входили Норильскстрой, Воркутакомбинат, Ухтакомбинат, Дальстрой. С. В. Славин указал параметры интегрального комбината: 1) выделение государством территории, на которую распространяется деятельность данного комбината; эта территория определяется не на основе административных границ, исходя из характера поставленных задач; 2) включение в состав комбината всех отраслей хозяйства и всех видов производства, необходимых для решения основной задачи комбината и общего развития производительных сил данной территории; 3) подчинение всех предприятий, входящих в комбинат, единому руководству (управлению), объединяющему все материально-технические и финансовые средства, а также людские силы [Славин, 1961, с. 46–47]. Все перечисленные интегральные комбинаты использовали труд заключенных, но по цензурным соображениям С. В. Славин об этом не упоминал. В соответствии с его концепцией Дальстрой не был уникальным явлением, хотя и имел отличия от других интегральных комбинатов.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в отечественной исторической науке произошли кардинальные изменения, связанные с деидеологизацией истории, существенным обогащением методологических подходов, открытием архивов и введением в научный оборот огромного массива ранее недоступных источников. Весьма распространенным стало изучение феномена Дальстроя исходя из концепции понимания сталинизма как разновидности тоталитарного режима, при котором государство жестко контролирует все сферы общественной жизни, не терпит инакомыслия, создает развитые репрессивные структуры. В такой модели Дальстрой представлялся типичным проявлением сталинизма с наиболее жесткими характеристиками: сверхэксплуатация труда заключенных в суровых природно-климатических условиях, недоедание, высокая смертность. Дальстрой позиционировался и как один из «островов» ГУЛАГа. В рамках данной концепции первостепенное значение придавалось карательной функции Дальстроя [Николаев, 1996, с. 29–46; Мельников, 2002, с. 1–197;

Иванова, 2006, с. 1–438; Хлевнюк, 2002, с. 43–68]. Зарубежные исследователи Дальстроя также исходят из концепции развития тоталитаризма в СССР и интересуются прежде всего историей ГУЛАГа. Дальстрой в их работах рассматривается как составная часть системы ГУЛАГа [Норландер, 2005, с. 239–254; Эпльбаум, 2006, с. 1–608; Stephan, 1994, р. 225–232]. Однако Дальстрой являлся частью системы НКВД, а не ГУЛАГа. Официальный статус Дальстроя с 1938 г. определялся как Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР, он не входил в систему Главного управления лагерей, но тесно взаимодействовал с ГУЛАГом.

В 1990-е гг. на основе экономико-географического подхода изучал Дальстрой А. Н. Пилясов. Используя системный метод, он определял Дальстрой как суперорганизацию с подсистемами [Пилясов, 1996, с. 71–73]. Суперорганизация – это монополярная структура, созданная высшей исполнительной властью государства и существующая под ее патронажем и непосредственным руководством для освоения обширных (новых) пространств в целях использования уникальных ресурсов в национальных интересах, решения геополитических задач. Неотъемлемые атрибуты суперорганизации – абсолютизация цели, жесткая внутренняя иерархия, делегированные государством огромные полномочия, автономная система жизнеобеспечения, система производства и накопления региональной информации и планирования. В качестве примеров других суперорганизаций А. Н. Пилясов привел компанию «Королевская Гренландская торговля», Российско-Американскую компанию, «Компанию Гудзонова залива», Корпорацию долины реки Теннесси. С его точки зрения, Дальстрой имеет иерархическую структуру управления, систему жизнеобеспечения (с подсистемами лагерной, народов Севера), информационную систему (с подсистемами оперативного управления, директивного, природно-ресурсного). Система жизнеобеспечения включала территориальный и отраслевой каркасы, секторы агропромышленный, энергетический, строительный.

А. И. Широков для понимания сущности феномена Дальстроя предложил концепцию «второй волны» колонизации отдаленных северных территорий. Он указывал, что, с одной стороны, исторические процессы на Северо-Востоке в 1930–1950-е гг. определялись сталинской форсированной индустриализацией СССР (с «штурмовщиной», использованием труда заключенных и других чрезвычайных мер), с другой стороны, в регионе нашли отражение традиционные для России формы и методы государственной политики, проводившейся на зауральских территориях в XVII–XIX вв. («первая волна колонизации»). Такая постановка проблемы позволила ввести понятие «вторая волна колонизации, или советская колонизация», для обозначения содержания государственной политики 1930–1950-х гг. В результате колонизации «первой волны» Север остался не только мало заселенным, но и мало изученным. В ходе колонизации «второй волны» российский Север был превращен в сырьевые внутренние колонии государства [Широков, 2009, с. 6, 12].

Дальстрой, в представлении А. И. Широкова, являлся инструментом колонизационной политики советского государства. Для более адекватного понимания изучаемого феномена ученый ввел термин «государственные монополии», т.е. организации, имевшие монополярные властные полномочия на территории своей деятельности и подчинявшиеся непосредственно высшему государственному руководству [Широков, 2001, с. 247–253]. Помимо Дальстроя это были Ухто-Печерский трест и Норильскстрой. Перечень этих структур во многом совпадает с перечнем «интегральных комбинатов» С. В. Славина

На основе регион-ориентированного подхода модернизационной теории Дальстрой изучает В. Г. Зеляк. С этих позиций в годы существования Дальстроя на Северо-Востоке России была реализована необычная модель достижения стадии ранней индустриализации региона: созданы производственно-транспортный каркас и энергетическая база, преобладал механизированный труд при сохранении значительной доли ручного труда, сформированы достаточно устойчивые трудовые коллективы во всех отраслях хозяйства. Основными чертами «чрезвычайной», или дальстроевской, модели явились экстраординарные полномочия, делегированные центром Дальстрою; комплексная деятельность Дальстроя, охватывавшая все сферы жизни региона; возникновение на основе золотодобывающей промышленности моноотраслевого перекося в экономике Северо-Востока; широкомасштабное использование труда неквалифицированной массы заключенных; интеграция лагерных и производственных подразделений; преобладание внеэкономических методов стимулирования труда и «штурмовщина»; минимальные траты на развитие социальной сферы и охрану труда; развитая система льгот для привлечения вольнонаемных для работы в северных условиях; негативные экологические последствия промышленной деятельности; строительство

транспортной артерии (Колымская трасса) и межприисковской сети дорог; одновременное геологическое изучение и масштабное ведение горных работ на недавно открытых месторождениях; преимущественное развитие «малой энергетики» и хроническая диспропорция между потребностью в электроэнергии и производительностью генерирующих мощностей [Зеляк, 2015, с. 428–429].

Теоретические представления о Дальстрое удалось расширить И. Д. Бацаеву. Он определил Дальстрой как закрытую автономную экономическую зону, на территории которой создавались особые условия и режим деятельности промышленных предприятий с массовым применением труда заключенных. По целям и задачам это был комбинат особого типа, он являлся самым крупным по территории промышленным лагерем (но не по количеству заключенных) и ничего общего не имел с системой уничтожения людей [Бацаев, 2007, с. 228–229]. Как видно, И. Д. Бацаев в отличие от многих исследователей считал Дальстрой феноменом, не имевшим аналогов в мире, и наряду с термином для обозначения Дальстроя «автономная экономическая зона» (весьма близким к современному понятию «особая экономическая зона») использовал определение Дальстроя, данное И.В. Сталиным, – «комбинат особого типа».

В своих исследованиях О. В. Хлевнюк и В. Г. Зеляк уделили много внимания методу альтернативности. О. В. Хлевнюк доказывал наличие реальной альтернативы использованию широко-масштабного принудительного труда в СССР в 1930-х – 1950-х гг. [Хлевнюк, 2002, с. 43–68]. В.Г. Зеляк обосновывал возможность освоения Северо-Востока в этот период без использования экстраординарных методов [Зеляк, 2015, с. 165–166].

Обратимся к концептуальным направлениям, которые разработаны, на наш взгляд, не достаточно полно. Продуктивные исследования постижения многообразного феномена Дальстроя ведутся в рамках социальной истории с ее особым вниманием к деятельности социальных групп. Динамику социально-демографических процессов, происходивших на дальневосточных территориях в 1930–1950-х гг., изучала Е. Н. Чернолуцкая [Чернолуцкая, 2011, с. 1–511]. Акцент в ее работах сделан на положении различных трудовых групп Дальстроя. Развитие социальной инфраструктуры Дальстроя являлось предметом изучения А. И. Широкова, В. Г. Зеляка, А. С. Навасардова. К этой группе исследований условно можно отнести работы, посвященные истории населенных пунктов Колымы, судьбам людей, проживавших в описываемых поселениях [Паникаров, 2008, с. 1–439; Грибанова, 2013, с. 1–280].

В отечественной историографии новейшего времени четко проявилась тенденция к расширению тематики биографических исследований, включая научную биографистику. Особое значение в данном контексте приобретает изучение личностных аспектов в создании различных учреждений (в том числе научных и музейных), поскольку позволяет на новом уровне воссоздать картину происходивших в крае освоенческих процессов. Жизни и деятельности геологов, ученых, работников культуры, управленцев, а также незаконно репрессированных посвящены работы Д. И. Райзмана, И. А. Паникарова, К. Б. Николаева, Г. А. Пустовойт [Райзман, 1999, с. 1–36; Паникаров, 2011, с. 1–163; Николаев, 2011, с. 1–225; Пустовойт, 2012, с. 67–72].

Одним из наиболее востребованных направлений исследования в рамках социальной истории является обращение к опыту функционирования региональной научно-образовательной сферы. Так, в центре внимания Г. А. Пустовойт находятся проблемы изучения становления геологической науки на Северо-Востоке России: проведение научных исследований в 1930–1950-х гг. на территории деятельности Дальстроя, специфика использования интеллектуального труда геологов, организационные формы накопления теоретических и прикладных научных знаний [Пустовойт, 2011, с. 1–271].

В рамках историко-юридического анализа разрабатываются проблемы правового статуса Дальстроя как органа государственно-хозяйственного управления (И. В. Логвинова) и уникальности Дальстроя как государственно-правового института советского государства, созданного высшим руководством страны для решения важных экономических задач (А. Н. Лепявский) [Логвинова, 2001, с. 1–149; Лепявский, 2014, с. 889–893]. Вместе с тем в этом направлении существует много актуальных вопросов, требующих изучения, например, правовые аспекты взаимодействия конституционных и чрезвычайных органов власти в процессе деятельности Дальстроя, особенности исполнения требований трудового законодательства на его предприятиях.

Исследование концептуальных представлений о Дальстрое показало, что позиции С. В. Славина, А. Н. Пилясова, А. И. Широкова и В. Г. Зеляка, проявившиеся в характеристике Дальстроя,

имеют много общего. Анализируя феномен Дальстроя, они выделяют его общие черты: экстерриториальность, использование чрезвычайных полномочий и методов для реализации государственной задачи, интегральный характер хозяйственной деятельности, слияние производственных и лагерных подразделений. Большинство исследователей не считают Дальстрой исключительным явлением в отечественной истории, хотя и указывают его специфические характеристики. Наряду с этим И. Д. Бацаев и А. Н. Лепявский позиционируют Дальстрой как уникальное явление своей эпохи.

Несмотря на значительные достижения в эмпирическом и теоретическом изучении феномена Дальстроя, его научное постижение, несомненно, следует продолжать. Значительным эвристическим потенциалом, который может быть использован при исследовании истории Дальстроя, обладает учение о мобилизационном типе развития российской цивилизации. Не исчерпана проблематика, связанная с социальной историей, в частности, более тщательно должны быть изучены культурная сфера Дальстроя, эволюция медицинского обслуживания, менталитет дальстроевцев в целом и отдельных групп и деятельность партийных и профсоюзных организаций. Актуальными являются исследования в рамках конкретно-персонифицированного контекста и гендерного подхода.

Библиографический список

- Бацаев И.Д.* Очерки истории Магаданской области (начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.). Магадан, 2007. 255 с.
- Берзин Э.* Пять лет Дальстроя // Колыма. 1936. № 4. С. 11–12.
- Грибанова И.В.* Тенька. Виток спирали. Магадан, 2013. 277 с.
- Дальстрой: К 25-летию. Магадан, 1956. 239 с.
- Жихарев Н.А.* Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917–1953 гг.). Магадан, 1961. 253 с.
- Зеляк В.Г.* «Валютный цех страны»: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928–1991 гг. Томск, 2015. 466 с.
- Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. 438 с.
- Лепявский А.Н.* Уникальность государственно-правовых институтов советского государства в 30–50-е гг. XX в. (по материалам Магаданской области) // Гуманит. и соц. науки. 2014. № 2. С. 889–893.
- Логвинова И.В.* Правовой статус Дальстроя как органа государственно-хозяйственного управления, 1931–1941 гг.: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 149 с.
- Мельников С.М.* Дальстрой как репрессивно-производственная структура НКВД – МВД СССР (1932–1953 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. 197 с.
- Николаев К.Б.* К вопросу изучения истории Дальстроя // Ист. аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. Магадан, 1996. С. 29–46.
- Николаев К.Б.* Жизнь и смерть Эдуарда Берзина: документальное повествование. Воронеж, 2011. 225 с.
- Норландер Д.* Магадан и становление экономки Дальстроя // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2005. С. 239–254.
- Паникаров И.А.* Твои люди, Колыма! Магадан, 2008. 439 с.
- Паникаров И.А.* Эхо Гулага. Магадан, 2011. 163 с.
- Пилясов А.Н.* Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан, 1996. 146 с.
- Пустовойт Г.А.* История геологических исследований и их роль в освоении Северо-Востока СССР в 1926–1960 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 271 с.
- Пустовойт Г.А.* Инженер А. Н. Комаров – организатор исследований процесса обогащения руд цветных металлов на Северо-Востоке России // VII Диковские чтения: матер. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию пром. освоения Колымы и 100-летию открытия морского торгового пути в Восточную Арктику. Магадан, 2012. С. 67–72.
- Райзман Д.И.* Мальдяк в жизни Королева. Магадан, 1999. 36 с.
- Славин С.В.* Освоение Севера Советского Союза. М., 1982. 208 с.
- Хлевнюк О.В.* Экономика ОГПУ – НКВД – МВД СССР в 30–50-е гг. XX в.: проблемы и источники // Ист. записки. 2002. № 5. С. 43–68.

Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011. 511 с.

Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: Опыт и уроки истории. Томск, 2009. 460 с.

Широков А.И. Государственные монополии как форма колониационной политики на Севере России в XX в. // Диковские чтения: матер. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения чл.-кор. РАН Н. Н. Дикова. Магадан, 2001. С. 247–253.

Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности / под общей ред. И. В. Караваевой. М., 2015. 344 с.

Элбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М., 2006. 608 с.

Эпштейн Л. Итоги пяти лет // Колыма. 1936. № 4. С. 25–37.

Stephan J. The Russian Far East: a history. Stanford, 1994. 508 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 02.04.2016

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE DAL'STOI STUDIES

V. G. Zelyak, G. A. Pustovoyt

North-Eastern State University, Portovaya str., 13, 685000, Magadan, Russia

zelyak75@mail.ru

g.pustovoyt2009@yandex.ru

The article examines the conceptual ideas of the studies of the Dal'stoi historical phenomenon. As one of the largest divisions of the NKVD (the People's Commissariat for Internal Affairs) and MVD (the Ministry of Internal Affairs, since 1946) system, the Dal'stoi produced gold and other valuable metals mining in the north of the Russian Far-East in the 1930-s – 1950-s. The scholars used the theoretical basis of the totalitarianism conception, the modernization theory, informative possibilities of economic geography, systems approach, comparative analysis, and other methods. Different approaches and the distinctions in understanding the essence of historical processes became visible. The problem of the Dal'stoi's typicality or uniqueness for the 1930s – 1950s was unresolved by the researchers. To understand the essence of the Dal'stoi's phenomenon, such concepts as an “integrated plant” (integrated industrial complex), “super-organization”, and “state monopoly” were introduced into the historical science. The epoch of the Dal'stoi was defined as the period of “transformations of backward periphery into the industrially-developed region”, as the stage of “the second wave of colonization”, as the period when “the extraordinary model of achieving the stage of early industrialization” was implemented in the region. The generalization of the various researches' basic results allowed to offer new perspective directions in studying the historical phenomenon of the Dal'stoi. The original results will be achieved by using the methodology of the mobilization approach. The actual expansion of the studies is represented also within the limits of social history, academic biography, and gender approach.

Key words: the Dal'stoi, industrialization, Stalinism, totalitarianism, modernization theory, methodology of history.

References

Batsaev I.D. Ocherki istorii Magadanskoy oblasti (nachalo 20-h – seredina 60-h gg. XX v.). Magadan, 2007. 255 s.

Berzin E. Pyat' let Dal'stroya // Kolyma. 1936. № 4. S. 11–12.

Chernolutsкая E.N. Prinuditel'nye migratsii na Sovetskom Dal'nem Vostoke v 1920–1950-e gg. Vladivostok, 2011. 511 s.

Dal'stoy: K 25-letiyu. Magadan, 1956. 239 s.

Ekonomicheskiy fundament Pobedy: paralleli istorii i sovremennosti / Pod obshchey red. I. V. Karavaevoy. M., 2015. 344 s.

Epplbaum E. GULAG. Pautina bol'shogo terrora. M., 2006. 608 s.

Eppshcheyn L. Itogi pyati let // Kolyma. 1936. № 4. S. 25–37.

Gribanova I.V. Ten'ka. Vitok spirali. Magadan, 2013. 277 s.

Hlevnyuk O.V. Ekonomika OGPU–NKVD–MVD SSSR v 30–50-e gody XX v.: problemy i istochniki // Istoricheskie zapiski. 2002. № 5. S. 43–68.

Ivanova G.M. Istoriya GULAGA, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskiy i politiko-pravovoy aspekty. M., 2006. 439 s.

Lep'yavskiy A.N. Unikal'nost' gosudarstvenno-pravovykh institutov sovetskogo gosudarstva v 30-50 gg. XX v. (po materialam Magadanskoy oblasti) // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2014. № 2. S. 889–893.

- Logvinova I.V.* Pravovoy status Dal'stroya kak organa gosudarstvenno-hozyaystvennogo upravleniya, 1931–1941 gg.: Istoriko-pravovoy aspect: diss. ...kand. urid. nauk : 12.00.01 / Logvinova Inna Vladimirovna. M., 2001. 149 s.
- Mel'nikov S.M.* Dal'stroy kak repressivno-proizvodstvennaya struktura NKVD – MVD SSSR (1932–1953 gody) : diss. ...kand. istor. nauk : 07.00.02 / Mel'nikov Sergey Mihaylovich. Tomsk, 2002. 197 s.
- Nikolayev K.B.* K voprosu izucheniya Dal'stroya // Istoricheskie aspekty Severo-Vostoka Rossii: ekonomika, obrazovanie, kolymskiy GULag. Magadan, 1996. S. 29–46.
- Nikolayev K.B.* Zhizn' i smert' Eduarda Berzina: dokumental'noe povestvovanie. Voronezh, 2011. 255 s.
- Norlander D.* Magadan i stanovlenie ekonomiki Dal'stroya // GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda. M., 2005. S. 239–254.
- Panikarov I.A.* Eho Gulaga. Magadan, 2011. 163 s.
- Panikarov I.A.* Tvoi lyudi, Kolyma! Magadan, 2008. 439 s.
- Pilyasov A.N.* Zakonomernosti i osobennosti osvoeniya Severo-Vostoka Rossii (retrospektiva i prognoz). Magadan, 1996. 146 s.
- Pustovoyt G.A.* Inzhener A. N. Komarov – organizator issledovaniy protsessa obogashcheniya rud tsvetnykh metallov na Severo-Vostoke Rossii // VII Dikovskie chteniya: Materialy nauch.-prakt. konf., posvyshch. 80-letiyu promyshlennogo osvoniya Kolymy i 100-letiyu otkrytiya morskogo trgovogo puti v Vostochnuyu Arktiku. Magadan, 2012. S. 67–72.
- Pustovoyt G.A.* Istoriya geologicheskikh issledovaniy i ih rol' v osvoenii Severo-Vostoka SSSR v 1926–1960 gg. : diss. ...kand. istor. nauk : 07.00.10 / Pustovoyt Galina Anatol'evna. Tomsk, 2011. 271 s.
- Raizman D.I.* Mal'dyak v zhizni Koroleva. Magadan, 1999. 36 s.
- Shirokov A.I.* Gosudarstvennaya politika na Severo-Vostoke Rossii v 1920–1950-h gg.: Opyt i uroki istorii. Tomsk, 2009. 460 s.
- Shirokov A.I.* Gosudarstvennye monopolii kak forma kolonizatsionnoy politiki na Severe Rossii v XX v. // Dikovskie chteniya: Materialy nauch.-prakt. konf., posvyshch. 75-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. RAN N.N. Dikova. Magadan, 2001. S. 247–253.
- Slavin S.V.* Osvoenie Severa Sovetskogo Souza. M., 1982. 208 s.
- Stephan J.* The Russian Far East: a history. Stanford, 1994. 508 p.
- Zelyak V.G.* «Valyutnyy tseh strany»: istoriya razvitiya gornopromyshlennogo kompleksa Severo-Vostoka Rossii v 1928–1991 gg. Tomsk, 2015. 466 s.
- Zhiharev N.A.* Ocherki istorii Severo-Vostoka RSFSR (1917–1953 gg.). Magadan, 1961. 253 s.